

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ПРИЗНАК ПРАВА

Честнов Илья Львович

профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ
ichestnov@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Легитимность конструирует и конституирует общество, включая право. Отсюда можно сделать вывод, что легитимность выступает признаком права. Однако не все согласны с такой точкой зрения. Для представителей юридического позитивизма, как и для сторонников юснатурализма, легитимность не является признаком права. Классическая социология права вводит легитимность в число признаков права, но не учитывает ее сконструированную властью природу. С точки зрения постклассической методологии, признаками права являются: человекоразмерность, знаковая опосредованность, сконструированность права, его контекстуальность и диалогичность. Все эти признаки права предполагают легитимность как их содержание. Легитимность как признание нормы права выступает условием ее существования.

Ключевые слова: легитимность права, правопонимание, постклассическая методология права.

LEGITIMACY AS THE SIGN OF THE RIGHT

Ilya L. Chestnov

Professor of the Department of theory and history of State and Law of the St. Petersburg law Institute of the University of the Prosecutor of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russian Federation, Doctor of Law, honored lawyer of the Russian Federation
ichestnov@gmail.com

ABSTRACT

Legitimacy constructed and constitutes society, including the right to. Here possible conclusion, that legitimacy is the feature of the law. However not all agree with this point. For representatives of legal positivism, as for jus natural supporters legitimacy is not the feature of the law. Classical law sociology stand legitimacy as feature of the law, but not takes her power, constructed by nature. From post-classical methodology point, Features of law are human proportionality, iconic mediation, construction of law, the contextual and Dialogic of law. All of this features assume the legitimacy as their content. Legitimacy as recognition of the rule of law is a condition of its existence.

Keywords: legitimacy of law, legal understanding, post-classical right methodology

Легитимность в широком смысле представляет собой условие выживания социума¹. Взаимное признание Другого конструирует и конституирует социальность. Особое значение приобретает взаимное признание в постсовременном обществе риска, когда в силу онтологической и гносеологической неопределенности, отсутствия прямого доступа к реальности (точнее — в ситуации конструирования социальной реальности) приходится доверять авторитету инстанции: научному сообществу (науке), власти, референтной группе. Поэтому сегодня возрастает роль культуры, важнейшей функцией которой является легитимирующая — «узаконивающая», придающая феномену статус признанного / принятого / достойного, оправдывающая и утверждающая его необходимость. <...> Легитимирующая функция культуры самым непосредственным образом связана с созданием сообществом системы эталонов (не только положительных, но и отрицательных), в том числе через утверждение конкретного реестра эталонов. <...> В целом можно сказать, что через одобрение / неодобрение сообществом тех или иных событий, действий, поступков, через навязывание отдельным представителям определенных оценок, через принуждение к соблюдению определенных правил и к следованию определенным паттернам сообщество создает / сохраняет / трансформирует свою систему и иерархию ценностей, которые являются неотъемлемой составляющей любой культуры»².

¹ «Категория “признание”, — пишет Ю. А. Веденеев, — образует универсальный социокультурный концепт, институт и процесс, сопровождающий практически все аспекты организации и функционирования социально-политических систем как традиционных, так и современных обществ». — Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка: монография / науч. ред. В. В. Лазарев. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 113.

² Красных В. В. Психолингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева / под ред. В. В. Красных. М. : Гнозис, 2017. С. 215, 2016.

Относится ли легитимность к юридической проблематике, к предмету юридической науки? Является ли легитимность признаком права или «нормальному юристу» (как любит выражаться М. В. Антонов) и юриспруденции в целом он — так трактуемый признак права — избыточен? Позиция М. В. Антонова сводится к тому, что «легитимность права обнаруживает множество смыслов, которые конфликтуют между собой и затрудняют точное научное использование данного термина...». При этом легитимность, по его мнению, выполняет функцию «отмены норм права по причине их нелегитимности»³. Полагаю, что теоретически такая проблема достаточно важна, однако вполне уместно менее радикальное осмысление концепта «легитимность права»: действующее законодательство (в широком смысле слова, включающем все формы внешнего выражения права) все обязаны соблюдать и исполнять, а тот, кто желает — может его и использовать. Однако при этом возможна и даже необходима критика законодательства, хотя бы для того, чтобы его вовремя изменять. Одним из вариантов такого критического теоретического подхода как раз и является соотнесение «права, которое надлежащим образом установлено законными властями» с теми представлениями о его легитимности, которые складываются у населения и правоприменителей. Если право признано (легитимно), то оно положительно оценивается, многократно и широко используется, и, как правило, демонстрирует свою эффективность. Поэтому справедливым представляется утверждение Н. В. Варламовой, что действительность правового регулирования «проистекает из его легитимности и эффективности»⁴. Выявление же нелегитимности права, с моей точки зрения, не может считаться основанием для его несоблюдения или неисполнения, а должно становиться предметом обсуждения (делиберации) для последующей корректировки уполномоченным органом, включая, например, народные инициативы или рекомендации экспертов. Поэтому я не согласен с утверждением о тривиальности понятия легитимности права — «легитимным будет то право, которое установлено согласно действующему правопорядку»⁵. Даже если согласиться, что этимологически это так, то значение этого термина как его употребление дискурсивными практиками в различных «языковых играх» (по Л. Витгенштейну) сегодня не тождественно легальности, а предполагает оценку официального права. Подробно и обстоятельно критикует такой — позитивистский — подход А. В. Поляков и приводит веские, убедительные аргументы в пользу того, что легитимность — сущностный признак права. Однако прежде чем вести речь о легитимности как признаке права, уместно рассмотреть иные его модусы бытия. Значение как употребление или использование знака — основная мысль философа Л. Витгенштейна.

Традиционно к признакам права в юридическом позитивизме относят его производность от нормотворчества государственной власти, формальную определенность (текстуальную закреплённость) и обеспеченность государственным принуждением. Однако, не отрицая важности и значимости этих характеристик права, нельзя не признать их ограниченность. Так, например, правовые обычаи и международно-правовые нормы не создаются государственной властью. Формальная определенность — важный принцип позитивного права. Однако он предстает сегодня как идеал, а не реальность. Перманентная изменчивость правовой реальности, ее зависимость от социокультурного и политического контекста вынуждают признать реальным состоянием права скорее неопределенность, недели логическую полноту, стабильность и непротиворечивость⁶. Более того, полные и завершённые системы не могут быть логически обоснованы, как доказал в 1931 г. К. Гедель, а любая попытка дать полное и точное содержательное определение чему-либо спотыкается о «трилемму Мюнхаузена», сформулированную в 1970 г. Х. Альбертом⁷. Поэтому формальная определенность — это всегда относительный признак права. Это же касается и принудительности права. Управомочивающие нормы права принудительными не могут быть по определению: они предполагают взаимное и добровольное волеизъявление субъектов; под принуждением

³ Антонов М. В. Легитимность, признание, действительность и отмена правовых норм в юридическом словоупотреблении // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2. С. 119.

⁴ Варламова Н. В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права : сб. статей. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 46.

⁵ Антонов М. В. Указ. соч. С. 119.

⁶ Известный канадский философ и теоретик права Бьярн Мелкевик утверждает, что право существует в современном обществе «во всей его многозначности, неполноте, если не сказать во всей его относительности». Бьярн Мелкевик. Юридическая практика в зеркале философии права / пер. с фр. и англ. М. В. Антонова, Д. Н. Остроух, В. А. Токарева, Е. Уваровой и др. / отв. ред. М. В. Антонов. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2015. С. 53.

⁷ Принцип достаточного обоснования как постулат классического рационального мышления недостижим, так как полное обоснование, включающее обоснование и знания, к которому сводится обосновываемая точка зрения, ведет либо к регрессии в бесконечность, либо к логическому кругу, либо к прерыванию процесса обоснования. — Hans Albert. *Traktat über kritische Vernunft*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1970. S. 41.

управомочивающее правовое регулирование в принципе невозможно. Более того, само по себе неисполнение предписания обязывающей нормы принуждения в виде наказания, предусмотренного санкцией нормы права (а именно такое принуждение предполагается юридическим позитивизмом в качестве сущностного признака права) не влечет принуждения как наказания: для этого требуется переформулировка неисполнения обязанности в запретительную норму права. В большинстве случаев такая переформулировка происходит, но не всегда. В любом случае, принудительными в формально-юридическом смысле слова являются не все нормы права, а только запретительные. Поэтому этот признак права также является относительным.

Наибольшую сложность, однако, для признания адекватности формулируемых юридическим позитивизмом признаков права, представляет то, что они не позволяют оценивать действующее законодательство. Любой, принятый компетентным органом в соответствии с установленными нормотворческими процедурами, акт, объявляется правовым, безотносительно к его содержанию. Можно ли считать, в таком случае, фашистское законодательство, например, правовым? С формально-юридической — позитивистской — точки зрения, несомненно, да. Однако с такой постановкой вопроса согласны далеко не все. В частности, сторонники юснатурализма активно выступают против отождествления права с формальными его признаками, атрибутируемыми позитивистами. Они постулируют имманентную связь права с моралью. Понимая, что в современном сложноструктурированном социуме весьма проблематично найти положительное содержание справедливости, юснатуралисты с легкой руки Г. Радбруха определяют в качестве критерия оценки законодательства «негативную справедливость» — такие нормы, которые всеми или подавляющим большинством населения воспринимаются как крайняя степень несправедливости или «вопиющая несправедливость». Закон превращается в «неправо» тогда, «когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как “несправедливое право” отрицает справедливость»⁸. Эта формула (которая в интерпретации юридического либертариизма звучит как «запрет на агрессивное насилие») может быть использована в социуме, в котором имеется моральный консенсус по вопросу «нетерпимых нарушений» прав человека. Но даже в таком случае она непригодна для оценки с моральной точки зрения большинства нормативных правовых актов, т. к. они в большинстве случаев являются морально нейтральными. Если даже такое знаковое событие, как разрушение Башен-близнецов в Нью-Йорке 11. 09. 2001, одними воспринималось как тяжелейшая трагедия, а другими (жителями европейских государств — выходцами из стран мусульманского мира, получающими социальные пособия) как торжество справедливости, то о каком моральном консенсусе может идти речь?

С позиций социологии права признаки права коренятся в обществе: в социальных предпосылках права и в том эффекте, который право оказывает на общество. Право существует не ради себя самого, — чтобы быть формально непротиворечивым, логичным, завершенным, — а ради нормального функционирования социума. Поэтому через анализ общества выявляются признаки права. К ним уместно отнести социальную обусловленность права и его эффективность. С позиций социологии права, легитимность следует рассматривать как сущностный признак права, так как легитимность демонстрирует соответствие права ожиданиям населения, то, что право адекватно выражает социальные предпосылки и является эффективным. В то же время, признавая, что именно социология права из всех классических типов правопонимания является наиболее обоснованной и адекватной современному обществу теорией права, нельзя не заметить, что и она — в своей классической версии — не лишена некоторых недостатков. К ним следует отнести то, что в классической социологии права признаки права постулируются как некая объективная данность, открываемая всезнающим юристом-Геркулесом (образ У. Блекстона, активно пропагандируемый Р. Дворкиным). С позиций постклассической философии и теории права «объективная данность» — это intersubъективное признание существования. Можно сказать по-другому: реально то, что воспринимается как реальное. Поэтому признаки права — это то, что власть (в широком смысле слова, включая научное сообщество) атрибутирует (приписывает) в качестве признаков права. В этой связи можно согласиться, с определенными оговорками, с громким заявлением Бьярна Мелкевика: «...право не имеет никакого реального или эмпирического “существования” в этом мире. Право не имеет никакого физического или материального существования в социальном или политическом мире, и еще меньше — существования с точки зрения наличия или действительности, не говоря уже о том, чтобы быть или иметь, и что, в конечном счете, следует действовать и думать соответствующим образом... Модальность “существования” неприменима к праву. В этом смысле не существует никакого “объекта”, называемого “правом”. В реальном, материальном, фактическом или просто

⁸ Радбрух Г. Философия права. М. : Международные отношения, 2004. С. 234.

“осязаемом” мире право не является чем-то “самим по себе” или не имеет этого признака, и мы не располагаем таким средством научного познания, которое позволило бы нам установить, чему может реально, действительно или объективно соответствовать эта символическая репрезентация, называемая “правом”. <...> Скорее следует утверждать, что вопрос о праве решается на практике в реальном мире с людьми из плоти и крови и, в конечном счете, представляет собой завершение спора, разрешаемого процедурным, дискурсивным, аргументативным, диалектическим путем через соответствующее судебное решение. <...> Право устанавливается на практике и *post factum* (задним числом — лат.) юриспруденцией в единственном числе, и это все!»⁹ Полагаю, что реальное или эмпирическое существование права можно обнаружить в его проявлениях, таких, как юридические тексты или действия (правоотношения, простые формы реализации права). Другое дело, что сама по себе внешняя фиксация проявлений права зависит от позиции наблюдателя, наделенного властным статусом официального или неофициального (теоретического) описания, номинации, категоризации и квалификации, которыми приписываются (атрибутируются) признаки тех явлений и процессов, которые считаются и признаются как юридически значимые. Поэтому можно согласиться с тем, что «по поводу слова “право” можно утверждать, что оно существует в определяемой форме только благодаря “новому нарративу о праве” (языку Оруэлла — И. Ч.)... Конфликтующие течения внутри “нового юридического нарратива” борются друг с другом за право определить конкретный выбор в этом отношении, <...> Надо иметь в виду то, что язык — это Власть! Возможно овладеть словом “право”, — не в рамках судебного процесса перед независимым арбитром, т. е. перед государственным или негосударственным судьей, — а использовать его как идеологический элемент и как оружие отговаривания и запугивания, как могущественный символический меч, которым (если использовать буквальную аллегорию) можно безотказно поражать врагов»¹⁰.

Постклассическая методология постулирует многомерность и потенциальную неисчерпаемость признаков права как модусов его бытия. Право взаимодействует со всеми другими социальными явлениями (и не только социальными) и не может одновременно проявлять все свои свойства. В этом смысле право неисчерпаемо в своих актуальных связях и отношениях, а потому признаки права, приписываемые ему властью и наукой, также потенциально неисчерпаемы. С позиций постклассической социокультурной диалогической концепции, развиваемой автором на протяжении последних 15 лет, праву присущи не только рассмотренные выше признаки, но и такие характеристики, как человекообразность, знаково-символическая опосредованность и дискурсивность, сконструированность, контекстуальность, диалогичность. Все они так или иначе связаны с легитимностью.

Для права свойственно, прежде всего, его *человекообразность*. Человек — основа, центр правовой системы: именно человек формирует (конструирует) ее и воспроизводит — легитимирует — своими практиками и ментальной активностью (смыслами и значениями). Именно человек, а не абстрактный безличностный субъект или «человек вообще» (по М. М. Бахтину) — неустранимая субстанция правовой реальности¹¹. Человек включен в социокультурный контекст, поэтому поведение (в том числе, юридически значимое) определяется сложной комбинацией когнитивного и ситуативного (оценкой ситуации). Фундаментальной ошибкой атрибуции является игнорирование важнейшей роли ситуационного контекста, в который включен конкретный человек.

Другой характеристикой права, конкретизирующей его формальную определенность, выступает *знаково-символическая опосредованность, дискурсивность права*. Человек мыслит с помощью знаков. Поэтому знаковость — имманентный аспект социальности и, следовательно, права при любом варианте его интерпретации: вне или без означивания (номинации и наделения значением) ни одно социальное (и правовое) явление невозможно как таковое¹². Дискурс как «проговаривание текста» обеспечивает использование языка в юридических практиках. В то же время дискурс вы-

⁹ Бьярн Мелкевик. Юридическая практика в зеркале философии права. С. 139, 147.

¹⁰ Там же. С. 79–80.

¹¹ «Никогда нельзя упускать из вида, что право творится и осуществляется через действия и через совершающих их акторов — все то, что свершается в качестве “права”, совершается нами самими и ради нас самих», — справедливо указывает Бьярн Мелкевик. — Там же. С. 4.

¹² «По своей внутренней сути юридический текст, — справедливо пишет Ю. А. Веденеев, — это прежде всего значение и наименование социальных практик в терминах того или иного юридического языка, которым они живут и воспроизводят себя. Правовая реальность обнаруживает себя и репрезентирует себя в системе юридических наименований — категорий и определений, классификаций и квалификаций. Именованье значит не просто констатировать, но и конституировать новые правовые практики. То есть, признать факт их официального существования — появления новых юридических субъектов и объектов, юридических дискурсов, новых нормативных границ в системах социального общения». — Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка : монография / науч. ред. В. В. Лазарев. М. : РФ-Пресс, 2018. С. 98.

стует средством конструирования и легитимации норм права через проверку их притязания на юридическую значимость, в терминологии Ю. Хабермаса.

Нельзя не отметить и такой аспект бытия права, как его *конструируемость*. Постклассическая парадигма в социогуманитарном знании и в юриспруденции, в частности, акцентирует внимание на сконструированности, а не данности социального мира (и, следовательно, права). Социальный конструктивизм, отрицая данность социального мира (и мира права), утверждает его многообразие, возможность изменения к лучшему и, следовательно, личную ответственность за его временное состояние. Выступая в оппозиции к «наивному социальному реализму», он запрещает выдавать частные, индивидуальные интересы и стремления за общественные и, тем самым, говорить от имени социального целого.

Еще одним признаком права, с моей точки зрения, является *социокультурный его контекстуализм*. Право — социокультурный феномен. Его социокультурная обусловленность выражается, прежде всего, в социальном назначении. Право существует не ради себя (поэтому система права не может быть самодостаточной, самореферентной). Право сконструировано ради обеспечения нормального функционирования социума, в чем проявляется его функциональная значимость. При этом критерий «нормальности» определяется исходя из господствующих ценностей, которыми оценивается социальная реальность и которыми обосновывается правовая политика (правовой номинации или означивания социальных ситуаций как правовых). Отсюда вытекает важный вывод: *не существует «чистых» правовых феноменов, нет правовых явлений (законов, нормативных и индивидуальных правовых актов, правоотношений), которые одновременно не были бы психическими (как писал в свое время Л. И. Петражицкий), экономическими, политическими и т. д. — в широком смысле — социокультурными феноменами.*

Очерченные выше аспекты бытия права демонстрируют его внутреннюю *диалогичность*, которая проявляется во взаимообусловленности рассмотренных аспектов бытия права и, прежде всего, юридически значимого действия и правовой структуры как социального представления о юридически должном в механизме воспроизводства права. Содержанием же диалогичности права является его *легитимность* — признание людьми, носителями статуса субъекта права. Обоснование этого тезиса заслуживает некоторого внимания.

Если право рассматривать как аспект общества, процесс воспроизводства нормативного порядка в обществе¹³, обеспечивающий, с моей точки зрения, его — общества — самосохранение, то имманентным признаком права выступает взаимное признание правовых взаимодействий (субъективных прав и обязанностей), на что справедливо указывает А. В. Поляков¹⁴, правовых институтов и правовой системы общества в целом. Право невозможно сводить исключительно к формальным «источникам» — формам внешнего выражения юридической нормативности. Правовую реальность образуют правоприменители, обыватели, попавшие волею судьбы в сферу права, их действия, включая юридические акты, последствия, орудия, используемые людьми. Именно действия людей конструируют нормы, институты, отрасли, систему права. Однако право как социальное явление существует, только если нормы — образцы юридически значимого поведения — реализуются в практиках людей, носителей юридических статусов. Социальная действительность права, по мнению Р. Алекси, обладает приоритетом по сравнению с позитивной и даже моральной действительностью¹⁵.

¹³ «Правовое или юридическое, или нормативно-должное — это такое фундаментальное качество социальной реальности, которое обеспечивает существование социального порядка в форме правопорядка как наиболее адекватной и нормативно обеспеченной форме порядка *per se*. <...> Факт существования любого общества связан и определяется системой, юридических сетей или коммуникаций. ... Конкретные формы юридического дискурса являются производными исторического контекста существования права — социально-политической практики и правовой культуры». — *Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка : монография / науч. ред. В. В. Лазарев. М., 2018. С. 66, 93.*

¹⁴ «Само право рассматривается в этом случае как сфера человеческого взаимодействия и взаимопонимания, согласия и компромисса, свободы и ответственности, равенства и справедливости, что позволяет развивать и совершенствовать его в этом духе. <...> Такое *согласованное взаимодействие между субъектами прав и обязанностей на основе интерпретации легитимных правовых текстов и свидетельствует о наличии правовой коммуникации*». — *Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 139, 164.*

¹⁵ «В случае, когда система норм или отдельная норма абсолютно лишены социальной действительности, иными словами, им не присуща социальная действительность даже в малейшей степени, такая система норм или такая норма не может быть также юридически действительной. Следовательно, понятие правовой действительности обязательно включает в себя также элементы социальной действительности». — *Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М. : Инфотропик Медиа, 2011. С. 107.*

Именно этот важнейший момент — социальную действительность как действенность — игнорирует юридический нормативизм. Действительно, юристу-практику незачем утруждать себя вопросами о том, насколько эффективна применяемая, соблюдаемая, исполняемая или используемая им норма права. Однако юридическая наука не может игнорировать этот вопрос, если претендует на то, чтобы предлагать проекты совершенствования правовой системы. Если не знать, каков социальный эффект правового воздействия, то ни о какой оценке и тем более изменении существующего правопорядка не может идти речь.

С другой стороны, понятие нормы права не может не включать процессуальный аспект ее социального действия, так как правовая норма суть разновидность социальных норм, а признак нормативности определяется распространенностью, многократным использованием и положительной оценкой образца поведения. Более того, с позиций коммуникативной теории Ю. Хабермаса, к которой присоединяется Бьярн Мелкевик, «притязание на действительность норм может быть удовлетворено, только если норма получила универсальную оценку с перспективы универсального обмена ролями с целью удовлетворить интересы любого и каждого»¹⁶.

Из вышеизложенного неизбежен вывод: норма права будет распространенным, многократно используемым и положительно оцениваемым образцом поведения только в том случае, если она будет легитимна — признана как актуальными, так и потенциальными ее акторами. В фундаментальном исследовании коммуникативного действия Ю. - Хабермас пишет: «Норма существует или имеет социальную значимость (*soziale Geltung*), если она признана действительной (*gueltig*) или легитимной ее адресатам. ... То, что норма действует в идеальном плане, означает, что она заслуживает согласия всех заинтересованных лиц, поскольку она регулирует связанные с действием проблемы в их общих интересах. То, что норма фактически существует, означает, что содержащееся в ней притязание на значимость признается всеми заинтересованными лицами, и это intersубъективное признание обосновывает социальную действительность нормы»¹⁷.

Таким образом, можно сделать вывод: *легитимность как признание права — это внутренняя, психическая (субъективная) сторона нормативности, выражающаяся в положительной оценке или психологическом принятии правовых норм, институтов, системы права, всей правовой реальности. Легитимность — условие существования нормы права и нормативности правовой системы любого общества.*

Литература

1. Алексис Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М. : Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
2. Антонов М. В. Легитимность, признание, действительность и отмена правовых норм в юридическом словоупотреблении // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2. С. 118–124.
3. Бьярн Мелкевик. Юрген Хабермас и коммуникативная теория права / пер. с фр. Е. Г. Самохиной / науч. ред. А. В. Поляков. СПб. : ИД. «Алеф-пресс», 2018. 95 с.
4. Бьярн Мелкевик. Юридическая практика в зеркале философии права / пер. с фр. и англ. М. В. Антонова, Д. Н. Остроух, В. А. Токарева, Е. Уваровой и др. / отв. ред. М. В. Антонов. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2015. 288 с.
5. Варламова Н. В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 30–72.
6. Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка : монография / науч. ред. В. В. Лазарев. М. : РГ-Пресс, 2018. 232 с.
7. Красных В. В. Психолингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева / под ред. В. В. Красных. М. : Гнозис, 2017. С. 183–262.
8. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2014. 575 с.
9. Радбрух Г. Философия права. М. : Международные отношения, 2004. 238 с.
10. Albert H. Traktat über kritische Vernunft. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1970. 226 p.
11. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. 1216 p.

References

1. Aleksis R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism). M. : Infotropik Media. 2011. 192 p. (In Rus).

¹⁶ Бьярн Мелкевик. Юрген Хабермас и коммуникативная теория права / Пер. французского Е. Г. Самохиной / Науч. ред. А. В. Поляков. СПб. : ИД. «Алеф-пресс», 2018. С. 57.

¹⁷ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd 1–2. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. Bd. 1. S. 104.

2. *Antonov M. V.* Legitimacy, recognition, validity and repeal of legal norms in legal usage // Russian Journal of Legal Studies. [Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy]. 2018. No. 2. P. 118–124. (In Rus).
3. *Byarn Melkevik.* Jürgen Habermas and the communicative theory of law / trans. from french. SPb. : Alef-press. 2018. 95 P.
4. *Byarn Melkevik.* Legal practice in the mirror of legal philosophy / trans. from french and eng. SPb. : Alef-Press. 2015. 288 P.
5. *Varlamova N. V.* The Hierarchy of Modern Legal Systems and the Post-Soviet Theory of Law // Problems of Post-Soviet Theory and Legal Philosophy: Collection of Articles. [Problemy postsovetskoy teorii i filosofii prava: sb. Statey]. M. : Yurlitinform. 2016. P. 30–72. (In Rus).
6. *Vedeneyev Yu. A.* Law and order grammar : monograph. M. : RG-Press, 2018. 232 P. (In Rus).
7. *Krasnykh V. V.* Psycholinguoculture as the science of a person speaking through the prism of linguoculture // (Neo) psycholinguistic and (psycho) linguistic cultural studies: a new science about a person speaking. [(Neo) psikhologivgvstika i (psikho)lingvokulturologiya: novyye nauki o cheloveke govoryashchem. I. A. Bubnova. I. V. Zykova. V. V. Krasnykh. N. V. Ufimtseva / pod red. V. V. Krasnykh]. M. : Gnozis. 2017. P. 183–262. (In Rus)
8. *Polyakov A. V.* Communicative jurisprudence: Selected Works. [Kommunikativnoye pravoponimaniye: Izbrannyye trudy.] SPb. : Alef-Press, 2014. 575 P. (In Rus)
9. *Radbrukh G.* Legal philosophy. M. : International relationships, 2004. 238 P. (In rus).
10. *Albert H.* Traktat über kritische Vernunft. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1970. 226 p.
11. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. 1216 p.